

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

UDC 316.7:332.122
LBC 60.523

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.08.2022

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTIONAL SYSTEM
FOR ENSURING THE CULTURAL SECURITY OF THE REGION**

Konstantin V. Vodenko

Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to study the cultural security of the South Russian region, taking into account the relevance of this issue in the context of internal and external challenges in Russian society. The article contains conclusions about cultural security as an organic component of national and social security in the Russian regional space. It is noted that in the conditions of the need for social and political consolidation, the influence of risks in the field of culture increases as containing hidden conflict, but having the property of converting into social and political risks. The South of Russia as a multicultural education actualizes the model of cultural security at the level of preservation of cultural and historical heritage, continuity of traditions and innovations and prevention of cultural extremism. In the aspect of national security, the conflictogenic potential of cultural pluralism is noted, which is not only true for Western multicultural societies, but also has resonance in Russian regions, when cultural risks become obvious, determined by the closeness of cultural forms on the basis of the preservation, equivalence and immutability of cultural values, the main argument in favor of which is tradition. The institutional system of ensuring the cultural security of the South Russian region in a situation of internal and external challenges needs to mobilize the resources of state and public institutions. This is necessary to create a special platform that includes cooperation and dialogue, strengthening the forms of civil identity of the population based on the mechanisms of cultural heritage of historical memory. An equally important conclusion is that, as a consequence, it is necessary to block the channels of informal reproduction of cultural risks and imbalances, but this can be done through access to socio-informational and cultural resources of active groups of the population for whom associations of interests in the field of culture become the starting point in approving the goals of cultural security in the South Russian region.

Key words: cultural security, South Russian region, institutional practices, state institutions, public institutions, institutional trust, cultural risks, cultural exclusion.

Citation. Vodenko K. V. Formation and Development of the Institutional System for Ensuring the Cultural Security of the Region. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

УДК 316.7:332.122
ББК 60.523

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.08.2022

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Константин Викторович Воденко

Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Аннотация. Целью представленной статьи является исследование культурной безопасности южнороссийского региона, учитывая актуальность данной проблематики в контексте внутренних и внешних вызовов в российском обществе. В статье содержатся выводы о культурной безопасности как органической составляющей национальной и социальной безопасности в российском региональном пространстве. Отмечается, что в условиях необходимости социальной и политической консолидации возрастает влияние рисков в сфере культуры как содержащих скрытую конфликтность, но имеющих свойство конвертироваться в социальные и политические риски. Юг России как поликультурное образование актуализирует модель культурной безопасности на уровне сохранения культурно-исторического наследия, преемственности традиций и инноваций и профилактики культурного экстремизма. В аспекте национальной безопасности отмечается конфликтогенный потенциал культурного плюрализма, что не только верно для западных поликультурных обществ, но и имеет резонансность в российских регионах, когда очевидными становятся культурные риски, определяемые закрытостью культурных форм на основании сохранения, равнозначности и неизменности культурных ценностей, основным аргументом в пользу которых является традиционность. Институциональная система обеспечения культурной безопасности южнороссийского региона в ситуации внутренних и внешних вызовов нуждается в мобилизации ресурсов государственных и общественных институтов. Это необходимо для создания особой платформы, включающей сотрудничество и диалог, укрепления форм гражданской идентичности населения на основе механизмов культурного наследия исторической памяти. Не менее важный вывод состоит в том, что как следствие требуется блокирование каналов неформального воспроизводства культурных рисков и диспропорций, но это возможно сделать через доступ к социально-информационным и культурным ресурсам активных групп населения, для которых объединения интересов в сфере культуры становятся стартовыми в одобрении целей культурной безопасности в южнороссийском регионе.

Ключевые слова: культурная безопасность, южнороссийский регион, институциональные практики, государственные институты, общественные институты, институциональное доверие, культурные риски, культурное исключение.

Цитирование. Воденко К. В. Формирование и развитие институциональной системы обеспечения культурной безопасности региона // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.6>

Актуальность темы исследования

Региональное пространство России сформировалось, обретя черты целостности в политико-правовом аспекте, но открытым остается вопрос о социальном развитии регионов, о том, что до сих пор не переломлена ситуация разделения регионов по уровню бюджетирования и, что не менее важно, – сближения по показателям доходности и качества жизни. Долгое время система социальных трансферов, с одной стороны, содействовала минимизации узких мест в стратегии обеспечения развития регионов, но с другой – воспроизводила и воспроизводит эффект социальной стагнации, снижения мотивации на региональном уровне к механизмам социального и экономического саморазвития.

Отмечая данное обстоятельство, следует подчеркнуть, что в настоящий период в ситуации форс-мажора, когда страна и общество испытывают влияние внутренних и внешних вызовов, на первый план выдвигаются вопросы обеспечения стабильности, поступательности и социальной безопасности. В этом контексте

чрезвычайно важно выявить условия и факторы социальной безопасности как системы воздействий со стороны социального и государственного управления на предсказуемость, рискогенность регионального пространства.

Однако, как показывает опыт предшествующего десятилетия, социальная безопасность российского регионального пространства включает совокупность позиций и диспозиций, формируемых субъектами регионального пространства, и в эту структуру входит культурная безопасность региона. Возвращаясь к мысли о необходимости социальной консолидации российского общества о возможностях сочетания и согласования традиционных и инновационных методов развития, логики импортозамещения в экономической сфере, требуется внести ясность понимания культурной безопасности как состояния российского регионального пространства, включающего механизмы культурной памяти и культурной преемственности, с целью обеспечения культурного воспроизводства, обретения иммунитета против антисистемных тенденций и фактов, носящих элементы нестабильности и диссонанса [Горшков, Тихонова (ред.) 2018].

Очевидно, что в этом направлении только наметились контуры культурной политики государства, что при концентрации усилий на формировании правовой базы культурной безопасности в рамках противодействия экстремизму, национализму и сепаратизму еще предстоит большая работа по налаживанию духовно-морального единства российского общества, создания условий для принятия в культурно-ценностный консенсус, формирования дискурса общих целей и ценностей.

Стратегия обеспечения культурной безопасности российского общества включает три основных аспекта: структурный, институциональный и субъектный. Не останавливаясь подробно на вопросах структурного, организационного, развития системы культурной безопасности российских регионов, мы концентрируем внимание на институциональной системе как воспроизводстве соответствующих механизмов, включающих правила ценностей и нормы. Таким образом, актуальность реализуемого исследования определяется задачами концептуального и социально-практического характера, что необходимо для социальной диагностики культурной безопасности региона как социально-территориальной и социально-культурной целостности. Это предполагает понимание культурной безопасности региона как органической составляющей социальной безопасности российского регионального пространства, так как в рамках развития российских регионов содержится тенденция влияния культурных факторов на региональную жизнь в целом и настроения населения регионов в рамках региональной культурно-исторической биографии и ориентированности на пропорцию политических, экономических, социальных, психологических влияний и воздействий [Белозор 2019; Романова и др. 2017; Сергеев 2010].

Методология исследования

Региональная социология как отрасль социологического знания практически сформировалась параллельно с процессом регионализации России, формированием российского государства как страны регионов. Целесообразно подчеркнуть, что в отличие от американской, мексиканской, бразильской и индийской моделей регионального развития российские регио-

ны отражают логику государственности, основанную на принятии политико-правового и социально-экономического содержания российских регионов. Здесь уместно отметить, что в региональной социологии до сих пор не изжиты штампы «народного хозяйства» или достаточно проявляются намерения рассматривать регионы исключительно в рамках политико-правовой иерархии, сводить проблемы регионального и межрегионального развития к взаимоотношениям с федеральными центрами. С другой стороны, признавая тот факт, что для российского регионального пространства свойственно влияние тенденции централизации, нельзя игнорировать специфику региональных отношений, характеризующихся обратными связями с федеральным центром. Российская государственность прошла трудный путь становления, не завершилась как формула безукоризненного российского регионализма. Наоборот, вопросы финансирования межбюджетных отношений, статуса региона и национальных республик в составе Российской Федерации требуют своего концептуального осмысления и практического разрешения. Также очевидно, что развитие региональной социологии характеризуется сменой концептуальных парадигм, содержащих анализ и описание тех периодов регионального развития.

Если говорить об истоках и условиях концептуализации регионального пространства, требуется определиться, во-первых, с тем, что региональная социология перестала воспринимать регион в дилемме «экономика-политика», а это имеет последствия для презентации второго существенного момента. Регион является сложным многоуровневым социокультурным образованием и в силу этого фактора может быть интерпретирован в контексте культурной безопасности. Культура как структурное и институциональное ядро региона включает в качестве важнейшего условия и реализации национальных интересов и приоритетов устойчивость социальной и духовно-нравственной системы по отношению к внутренним и внешним угрозам, и эта устойчивость включает культурную безопасность как составляющий элемент государственной и национальной безопасности [Маркин (ред.) 2007]. Вместе с тем, интерпретируя культуру как правила игры коллективного существования при различной степени нормативной регу-

ляции, можно сказать, что очевидным становится признание наследственных механизмов культуры, роли культурной памяти и традиции.

Исходя из данного положения, мы основываемся на генетическом концепте культурной безопасности, включающем соотношение норм, ценностей и принципов, имеющих качество регулярности, легитимизации, неформальных и формальных норм и соглашений, формирующих культурную среду региона. В культурной безопасности региона важным моментом выступает степень консолидирующего или конфликтогенного воздействия культурных норм смыслов и ценностей. И для того чтобы вывести парадигму культурной безопасности региона, следует уяснить, что культурная безопасность является составной частью национальной безопасности, общих правил упорядоченности, предсказуемости, устойчивости и специфики социокультурной регуляции как условия воспроизводства культурных практик субъектов регионального социума.

Поддерживая данное положение, мы фиксируем поликультурность и полиэтничность южнороссийского региона, который для нас не является механическим административным конструктом, а характеризуется культурной динамикой, культурными изменениями, и по этой причине мы признаем обоснованность применения институциональных процедур и схем, понимаем, что культурная безопасность основывается на конкретной институциональной системе, включающей общественные и государственные институты. То, что это положение является конструктивным для методологии исследования, очевидно по двум обстоятельствам: во-первых, вне институциональной системы трудно представить, каким образом осуществляется функция культурной сферы в жизни региона, как и в какой степени общественные и государственные институты реализуют организующие и воспитывающие функции в региональной жизни; во-вторых, вне институционального аспекта диагностика социокультурных кризисов и изменений является проблематичной. Если свести оценку состояния культуры к субъективным мнениям и представлениям, особенно административных и культурных элит, определение границ и возможностей развития культуры, выявление культурных маркеров и культурных стилей становится задачей, не выполнимой в контексте социологи-

ческого анализа. Поэтому для нас важно, исходя из критерия приемлемости культурных практик по социальной цене и последствиям, баланса свободы и осознанности, поддержать институциональные процедуры в интегрированности социокультурных аспектов, соотношений социо и культуры в коллективных действиях людей, являющихся субъектами сложившихся социальных отношений.

Для установления особенностей культурной безопасности в южнороссийском регионе формулируется отношение к ключевым институтам культурной безопасности как региональный институт культурной политики, региональной структуры власти (Администрация, Законодательное собрание, общественные и творческие организации). Таким образом, методология исследования определяется содержанием и целью культурной безопасности, характеризуется отношением внутри регионального пространства по степени устойчивости и консолидированности, нейтрализации социальных и культурных рисков и активности антисистемных групп (групп культурного экстрима). Методологический выбор определяется предметной областью исследования и наработанными в региональной социологии концептуальными схемами, что направлено на повышение достоверности выводов и обобщений.

Степень разработанности

Культурная безопасность российских регионов обрела особую значимость в контексте внешних и внутренних вызовов российскому обществу и государству. Если выделить основные параметры накопленного в региональной социологии исследовательского дискурса, то следует квалифицировать три основных направления.

Во-первых, это функциональная парадигма культурной безопасности, в рамках которой актуализируется положение теории социальных рисков, теории дисфункциональности, социального воспроизводства. Их можно условно объединить как ориентированность на соответствие институциональной системы критериям культурной безопасности. В этом смысле нельзя отрицать позитивные результаты, связанные в первую очередь с пониманием культурной безопасности как имеющей

функциональное измерение, критерии поддержания и планирования культурной безопасности на уровне государственных и общественных институтов, работающих в культурной сфере регионов [Щукина 2015].

Во-вторых, это выявление групп рисков, претендующих на культурные инновации (изменения), но выражающих интересы контркультурного свойства, критицизм по отношению к традиционным культурным нормам и ценностям и внедрение постмодернистского либерального дискурса в культуре, практически опровергающего культурные ценности, имеющие фундаментальный характер. В исследованиях российских социологов в контексте изучения молодежной проблематики выявлено, что группы социального риска с направленностью на девиантные практики воспроизводят риски в сфере культуры, действуют по логике конфронтации с официальными и неофициальными структурами культуры, которые обвиняют в коллаборационизме с властью, препятствии деятельности творческих коллективов, провозглашении бескомпромиссных позиций в отношении традиционной культуры.

В-третьих, в рамках осмысления культурной безопасности немаловажное место занимает активность культуротворческих групп, их разделение по коммерческому энвергоментальному, гражданскому спектрам. Определенный недостаток функционализма заключается в сематизме предложенных интерпретаций, определении функционала как доминирующего принципа культурной безопасности в регионе, что не совсем учитывает динамику культурных процессов, статус субъектов культуротворчества и мобилизационно-консолидирующий потенциал культуры в региональном пространстве.

Субъектно-деятельностный подход, разработанный школой М.К. Горшкова и развернутый в исследованиях российских ученых, характеризуется нацеленностью на определение субъектного аспекта культурной безопасности и переводит исследование на критерии субъектности, следствием чего является возможность направить дискурс изучения в пространство массовой и элитарной культуры. При этом подчеркнем, что ключевым фактором культурной безопасности становится уро-

вень институционального доверия к институтам, реализующим культурную политику. Может показаться, что предложенный категориальный ряд, в котором культурная безопасность «окультуривается», становится состоянием оценкой деятельности государственных и общественных институтов, приводит к выпадению из задач исследования новых культурных феноменов как субкультуры, но мы согласимся с М.К. Горшковым, что в доверие институтов репрезентирует целый комплекс объективных и субъективных, социальных и политических отношений [Горшков (ред.) 2015].

Важный аспект исследований переносится на доверие как уровень одобрения или неодобрения действующих институтов в сфере культуры. В этом контексте культурная безопасность в региональном пространстве определяется по двум параметрам: оценке состояния культурной сферы региона и результату влияния на данную сферу институтов культуры. По сравнению с государствообразующими институтами (Президент, правительство, парламент) институты культуры характеризуются более низкой степенью доверия, вероятно, по той причине, что культура до сих пор оценивается в массовом сознании как вторичное явление. Но, как показывают исследования, до сих пор не выработан критерий ответственности за культурную безопасность как по состоянию культурной политики, реализуемой в региональном пространстве, так и по уровню интересов субъектов культуры, где есть проблема соотношения частных и государственных интересов. Это в целом создает более сложную и противоречивую картину в оценке тенденций и перспектив культурной безопасности региона, но, как показывают данные исследования, в рамках культурной безопасности важно определить роль «державных» институтов и общественных, обладающих потенциалом самоорганизации.

Изучение институциональной системы культурной безопасности региона характеризуется работами коллектива во главе с Н.И. Лапиным, посвященными проблемам консолидации социального пространства России. Как признают авторы исследования, подрыв исторических интеграторов обществом имеет в качестве негативного последствия утрату идеа-

лов справедливости, характерных для российской культуры [Маркин (ред.) 2015]. В силу поликультурности и полиэтничности многих российских регионов формируется запрос на достижение соответствия между изменившимися социальными условиями и традиционными ценностями, нормами российской культуры. Возникающие диспропорции приводят к отчуждению, создают конфликт между поколениями, формируют культурную эксклюзию, механизмы исключения определенных этнокультурных групп из общественного пространства. В данном контексте определенный запрос есть на исследования, которые рассматривают состояние концептуализации молодежи в XIX в., оценивают молодежные субкультуры через специфику формирования молодежных идентичностей, новых типов солидарности молодежи, формирование жизненных (культурных стилей), что в некоторой степени совпадает с работами Ю.А. Зубок и М.К. Горшкова, но при этом выявляет перенос акцентов с описания структурных барьеров интеграции молодежи в обществе на субъектно-деятельностные установки [Тощенко (ред.) 2013].

Таким образом, в контексте оценки работанности данной проблемы обратим внимание на императив регионализации акцента на конкретном состоянии культурной сферы региона и диагностики культурной безопасности как интегративного показателя стабильности и устойчивости культурной сферы региона. В отношении южнороссийского региона, где выявляется диалектика общего и особенного, связанного с одной стороны с общероссийскими показателями культурной динамики, с другой – с культурным разнообразием региона, историческими, этническими и социальными аттитюдами, можно констатировать: во-первых, культурная безопасность южнороссийского региона исследуется в основном в контексте социальной безопасности, а это эффективно в рамках противодействия внешним и внутренним рискам, но есть определенная сложность в том, что действующий дискурс культурной безопасности приводит к выпадению целых пластов культуры (традиционной и нетрадиционной). Как правило, приоритеты культурной безопасности основываются на нейтрализации культурного экстремизма, профилактике культурных девиаций, где требуется активность эксперт-

ного сообщества, привлечение к работе представителей региональной культурной элиты. Поэтому содержание статьи основывается на анализе реального положения в сфере культурной безопасности региона и рекомендаций по проблемам, имеющим как общероссийский, так и внутрирегиональный характер.

Материалы исследования

Обращаясь к теме исследования и определив основные установочные моменты, необходимо рассматривать культурную безопасность в южнороссийском регионе в ее динамичном измерении, в том, что опора на традиционную культуру как фактор культурной безопасности в принципе является верной, если учитывать опыт предшествующих десятилетий, связанных с внедрением в российское общество идей мультикультурализма, которые при внешней привлекательности порождают конфликтогенность, выходящую за пределы личного и группового культурных предпочтений. Американский исследователь С. Бенхабиб [Бенхабиб 2003] пришла к выводу, что культурные претензии имеют право на культурную исключительность и преференциальность, способствуют возникновению не демократических и не либеральных эффектов этноцентризма, этнорасизма, культуры «нетерпимости» и в целом приводят к становлению демократии меньшинств.

В российском обществе в период расцвета регионального и этнического сепаратизма (и это проявилось в южнороссийском регионе на уровне массовых общественных движений и политико-партийных манипуляций) фрагментация регионального пространства стимулировалась этнократическими и регионалистскими устремлениями и на уровне региональных элит и влияла на общественные настроения в региональном социуме в качестве механизма замещения социальных, экономических противоречий.

Как отмечал российский исследователь Ж.Т. Тощенко [Тощенко 2001], в выделенной концепции парадоксального человека есть несомненная коррекция между культурной неграмотностью и безграмотностью, этнократизмом и политическим нигилизмом. Данная конструкция основывается на том, что

парадоксальный человек как личность эпохи перемен, приведших к неоднозначным результатам, мыслит схематизмами и стереотипами, перенесенными из культурного прошлого или включающими одномерное знание о многомерных процессах. Культурная безопасность южнороссийского региона в постсоветский период характеризовалась, что не является исключением, дилеммой стихийности, анархизма и государствоцентризма, причем российские социологи независимо от идейных предпочтений в целом соглашались с тем, что в России государство является центром общественной жизни и к этому располагают культурно-исторические предпосылки. В сфере культурной политики действовал рецидив бесконфликтности, реально выраженный в том, что культурные акции, имеющие сепаратистскую и протестную направленность, не вызвали критического отношения и критической оценки по причине, с одной стороны, борьбы за власть и богатство региональных и федеральных элит, с другой – становления неформального консенсуса власти и масс, основанного на разделении сферы деятельности на властные отношения, к которым вырабатывался и поддерживался индифферентизм, и приватную сферу, в которой культура понималась как личный выбор вне влияния государства.

Ситуация «на перепутье» определяла отношение к культурной безопасности как периферийной теме в развитии южнороссийского региона. Это происходило на фоне проявления экстремистских настроений в среде групп «этнического бизнеса», которые ориентировались на овладение механизмами власти и богатства при помощи «тарана» культуры. Долгое время с использованием слабости государственной политики в сфере культурных отношений утверждались схемы культурной исключительности казачества и других народов, населяющих южнороссийский регион, и под призывами к политике реабилитации, возмещения ущерба, нанесенного культуре и языку народов региона, формировались политические альянсы с намерением разыграть культурную карту. В этом смысле требовался период переосмысления роли культуры в современном региональном пространстве, определения критериев его устойчивости, про-

порциональности и сбережения культурного наследия.

Как показали исследования региональных ученых [Волков и др. 2017] об институциональных практиках и ценностной политике в сфере межэтнических отношений, в аспекте национальной безопасности отмечается конфликтный потенциал культурного плюрализма. Это положение верно не только для западных поликультурных обществ, оно имеет резонансность и в российских регионах, когда очевидными становятся культурные риски, определяемые закрытостью культурных форм на основании сохранения, равноценности и неизменности культурных ценностей, основным аргументом в пользу которых является традиционность.

Очевидно, что анализ состояния культурной безопасности не до конца определяется сложившимися институциональными практиками, где до сих пор не преодолен разрыв между формальными и неформальными регуляторами культуры. Официальный культурный дискурс статичен, регламентируется представлениями о правильном и неправильном в культуре, основывается на оценке культурного символического капитала, конкретного субъекта культуры, использования культурного бренда (коллективы пения и танца, утвержденные в официальном реестре и входящие в разряд адресатов поддержки государственных и региональных властей).

Массив неформальной культуры реально не проходит «тест» на социальную добродетель и гражданскую зрелость: сложилась ситуация дистанцированности субъектов официальной культуры и групп неформального творчества, которые сокращаются в нынешний период под принятием формулы патриотизма культурных инициатив. Вместе с тем не достигнуто состояние необходимости регулярной методической работы с группами культурного акционизма на основе партнерства и взаимопонимания, включение неформальных групп в культурный мейнстрим южнороссийского региона.

С учетом поликультурности южнороссийского региона, «стыда» православной, исламской и буддистской цивилизаций цель культурной безопасности выражается в достижении баланса различных субъектов культурной деятельно-

сти. Очевидно, что схема внутренней колонизации региона, обоснованная некоторыми российскими социологами как признак унификации регионального пространства под влиянием массовой культуры, нуждается не в отклонении, а в осмыслении, если считать ее сильной стороной детрадиционализацию российского общества, высокую степень урбанизированности и закрепления форм потребительской культуры.

Естественно, культурная безопасность не может восприниматься как апология традиционализма, ее миссия определяется двуединой задачей: сохранение культурного наследия, необходимого в процессе диалога поколений, имеющего консолидирующие значения и мониторинга культурных изменений на институциональном и групповом уровне, и разделение между экстремизмом и модностью культурных стилей в рамках формирования фильтров на пути инвазии радикальных культурных образцов, свойственных эпохе постмодерна. Здесь важно отметить, что культурное пространство южнороссийского региона гибридно, характеризуется определенной степенью эклектичности, смешением культурных форм и стилей, влиянием интернет-пространства и сужением традиционных форм культурного воспроизводства. Как следствие – театры, музеи и выставки становятся «кунсткамерами» и, несмотря на тенденцию обновления, перестали быть пространством культурных коммуникаций.

Этот фактор влияет на состояние культурной безопасности, потому что неприятие «устаревшего» в культуре может сопровождаться принятием конфликтной позиции «творцами» культурных инноваций. Для культурной географии южнороссийского региона свойственно деление по критерию культурной безопасности (устойчивости и рискогенности), градация доверия к институтам культуры, где модельный уровень характеризуется невысокой плотностью культурных эксцессов и потенциальной рискогенностью неформальных культурных групп, ориентированных на закрепление приватного пространства и низкую степень готовности к вступлению в продуктивный диалог со структурами культурной политики. Сегмент конфронтации в сфере культурной безопасности южнороссийского региона концентрирован в группах культурного риска, имеющих характер «культурного сектант-

ства» и высокую степень интолерантности к официальной культурной политике. Здесь свойственно оценивать уровень культурной безопасности как постоянный мониторинг культурных рисков, способных конвертироваться в политические вызовы.

Заключение

Таким образом, институциональная система обеспечения культурной безопасности южнороссийского региона в ситуации внутренних и внешних вызовов нуждается в мобилизации ресурсов государственных и общественных институтов. Это необходимо для создания особой платформы, включающей сотрудничество и диалог, укрепления форм гражданской идентичности населения на основе механизмов культурного наследия исторической памяти. Не менее важный вывод состоит в том, что, как следствие, требуется блокирование каналов неформального воспроизводства культурных рисков и диспропорций, но это возможно сделать через доступ к социально-информационным и культурным ресурсам активных групп населения, для которых объединения интересов в сфере культуры становятся стартовыми в одобрении целей культурной безопасности в южнороссийском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозор 2019 – *Белозор А.Ф.* Культурная безопасность как основа культурной идентичности // *Человек и культура.* 2019. № 1. С. 80–86.
- Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязание культуры М.: Логос, 2003.
- Волков и др. 2017 – *Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Воденко К.В. и др.* Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях: монография. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017.
- Горшков (ред.) 2015 – *Горшков М.К. (ред.)*. Российское общество и вызовы времени. В 5 кн. Кн. 2. М.: Весь мир, 2015.
- Горшков, Тихонова (ред.) 2018 – *Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.)*. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 лет спустя. М.: Весь мир, 2018.

- Маркин (ред.) 2007 – Маркин В.В. (ред.). Региональная социология в России: сб. материалов социол. исслед. М.: Экслибрис-Пресс, 2007.
- Маркин (ред.) 2015 – Маркин В.В. (ред.). Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015.
- Романова и др. 2017 – Романова А.П., Якушенок С.Н., Баева Л.В., Хлыщева Е.В., Бичарова М.М., Лебедева И.В., Топчиев М.С., Якушenkova O.C., Алиев Р.Т. Культурная безопасность в условиях гетеротопии: монография. Астрахань: Астрах. ун-т, 2017.
- Сергеев 2010 – Сергеев В.В. Культурная безопасность современного российского общества как социокультурная проблема // Обсерватория культуры. 2010. № 1. С. 90–92.
- Тощенко 2001 – Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
- Тощенко (ред.) 2013 – Тощенко Ж.Т. (ред.). Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
- Щукина 2015 – Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 346–350.
- Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Vodenko K.V. et al., 2017. *Implementation of Foreign Models of National Integration, Value Policy and Institutional Practices in the Field of Interethnic Relations in Russian Conditions. Monograph.* Moscow, Sotsialno-gumanitarnye znaniya Publ.
- Gorshkov M.K. (ed.), 2015. *Russian Society and Challenges of the Time. In 5 Books. Book 2.* Moscow, Ves' mir Publ.
- Gorshkov M.K., Tihonova N.E. (ed.), 2018. *Capitals and Regions in Modern Russia: Myths and Reality 15 Years Later.* Moscow, Ves' mir Publ.
- Markin V.V. (ed.), 2007. *Regional Sociology in Russia: Collection of Materials of Sociological Research.* Moscow, Exlibris-Press Publ.
- Markin V.V. (ed.), 2015. *Regional Sociology: Problems of Consolidation of the Social Space of Russia.* Moscow, Novyy Chronograph Publ.
- Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Bayeva L.V., Hlyshcheva E.V., Bicharova M.M., Lebedeva I.V., Tochiev M.S., Yakushenkova O.S., Aliev R.T., 2017. *Cultural Security in Conditions of Heterotopia: Monograph.* Astrakhan, Astrakh. un-t.
- Sergeev V.V., 2010. Cultural Security of Modern Russian Society as a Socio-Cultural Problem. *Observatoriya kul'tury*, no. 1, pp. 90-92.
- Toshchenko J.T., 2001. *Paradoxical Man.* Moscow, Gardariki Publ.
- Toshchenko J.T. (ed.), 2013. *New Ideas in Sociology. Monograph.* Moscow, UNITY-DANA Publ.
- Shchukina E.L., 2015. Cultural Security of Modern Russia as an Element of National Security. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, no. 3, pp. 346-350.

REFERENCES

Information About the Author

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Prosveshcheniya St, 132, 346428 Novocherkassk, Russian Federation, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>

Информация об авторе

Константин Викторович Воденко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 346428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>